

Памяти А. А. Кирѣева.

(Окончаніе).

Разработка церковныхъ вопросовъ у А. А. - ча стоитъ въ тѣсной связи съ его политическими воззрѣніями, при чемъ съ этой стороны онъ является горячимъ и послѣдовательнымъ славянофиломъ. Систематическому раскрытію и аргументаціи своихъ политическихъ взглядовъ А. А. посвятилъ особый трудъ, изданный Славянскимъ благотворительнымъ Обществомъ подъ заглавіемъ: „Краткое изложеніе славянофильскаго ученія“, а также и другія работы, какъ напр.: „Религіозныя задачи Россіи на православномъ востокѣ“ и „Наши противники и наши союзники“. Развивая здѣсь, защищая и обосновывая извѣстную славянофильскую формулу: „православіе, самодержавіе и народность“, А. А. доказываетъ, что историческое призваніе Россіи не можетъ ограничиваться только тѣмъ, чтобы блюсти и осуществлять эти начала въ своей собственной жизни. Обладаніе истинною возлагаетъ на Россію мессіанскую обязанность и предъ лицомъ шовѣрнаго и иноземнаго міра, въ междуцерковныхъ и международныхъ отношеніяхъ, быть провозвѣстникомъ и проводникомъ своихъ религіозныхъ и политическихъ идеаловъ. Какъ государство православное, какъ „святая Русь“, она всегда и вездѣ должна твердо стоять за истину православія, веѣми силами содѣйствуя ея утвержденію и распространенію и оказывая энергичную поддержку ея исповѣдникамъ: а какъ на представительницѣ славянскаго міра на ней лежитъ великая задача объединить и сплотить этотъ раздробленный міръ въ формѣ мощной федераціи независимыхъ славянскихъ государствъ. Въ осуществленіи Россіей ея вы-

сокой мессіанской задачи какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, могущественнымъ средствомъ можетъ служить старокатолическое движеніе. Западнымъ христіанамъ оно указываетъ путь для освобожденія отъ римскихъ заблужденій и для возвращенія къ вселенской истинѣ православія, а, въ частности, славянамъ-католикамъ даетъ возможность, не отрекаясь отъ тѣхъ обрядовъ и внѣшнихъ формъ церковной жизни, съ которыми они уже успѣли сродниться при вѣковомъ союзѣ съ Римомъ, обратиться опять къ древней православной вѣрѣ своихъ отцовъ и такимъ образомъ устранить ту роковую рознь, которая доселѣ такъ нарушаетъ славянское единство. Вотъ почему А. А., какъ искренно-вѣрующій сынъ православной церкви и какъ убѣжденный славянофилъ, десятки лѣтъ своей жизни посвящаетъ на ревностное служеніе старокатолическому дѣлу.

Предѣлы журнальной статьи побудили меня при изложеніи взглядовъ А. А. — ча опускать ихъ перѣдко интересную, весьма основательную и всегда проникнутую искреннимъ убѣжденіемъ аргументацію: а страницы специально-богословскаго органа не давали мнѣ права останавливаться на изложеніи такихъ взглядовъ, которые не имѣютъ близкаго отношенія къ религіознымъ вопросамъ, хоть нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. на западно-европейскую культуру, на самодержавіе и парламентаризмъ, на свободу печати и цензуры и т. п. способны возбудить глубокий интересъ всякаго серьезнаго читателя. Такой читатель безъ сомнѣнія уже знакомъ или не замедлитъ познакомиться, съ этими взглядами въ ихъ подлинномъ, гораздо лучшемъ, изложеніи.

Дѣлу старокатолицизма ревностно служилъ А. А. не только какъ писатель, но и какъ практическій дѣятель. Прекрасно владѣя европейскими языками и по своему служебному положенію проводя значительную часть года за границей, онъ вступилъ тамъ въ непосредственное знакомство со многими просвѣщенными членами западныхъ христіанскихъ церквей, въ особенности-же съ наиболѣе видными представителями и вождями старокатолическаго движенія, изъ коихъ нѣкоторые много лѣтъ были съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ и дружественной перепискѣ. Это обстоятельство, давшее ему возможность изучить старокатоличество не по книгамъ только, а по непосредственнымъ наблюденіямъ и по живому общенію

мыслей, поставило его въ особое положеніе, когда между русской церковію и старокатоликами начались прямыя сношенія по вопросу о единеніи. При этихъ сношеніяхъ онъ нерѣдко являлся въ высшей степени дѣльнымъ посредникомъ, искренно-преданнымъ дѣлу единенія и широко освѣдомленнымъ относительно вѣрованій, образа мыслей и настроенія обѣихъ переговаривавшихся сторонъ. Дѣятельное участіе А. А. - ча въ данномъ случаѣ выражалось прежде всего въ томъ, что у насъ, въ Россіи, онъ старался возбуждать и поддерживать вниманіе къ старокатолическому вопросу нашихъ высшихъ іерарховъ и тѣхъ лицъ, которые могли оказать существенное вліяніе на возможно-скорѣйшее и благоприятное его разрѣшеніе. Онъ часто бесѣдовалъ съ этими лицами, сообщая имъ всѣ послѣднія извѣстія, полученныя отъ старокатоликовъ, и обсуждая съ ними тѣ вопросы, которые въ данный моментъ выступали на очередь. Составляя для печати свои статьи, онъ нерѣдко обращался за предварительнымъ совѣтомъ напр., къ Высокопр. митрополитамъ Палладію и Антонію, къ протопресвитеру Янышеву и др., а въ особенно важныхъ случаяхъ предлагалъ имъ на просмотръ и самыя рукописи своихъ статей. Не разъ имѣлъ онъ интересныя бесѣды съ К. П. Побѣдоносцевымъ, всѣми силами стараясь разсвѣять его предубѣжденіе противъ старокатоликовъ. Онъ убѣдительно разсвѣнялъ ему истинный смыслъ и надлежащую постановку нашихъ съ ними сношеній: а на высказанное К. П. - чемъ опасеніе, что единеніе съ старокатоликами можетъ быть причиною возникновенія у насъ новаго раскола, А. А. отвѣчалъ: „*melius est ut scandalum oriatur, quam ut veritas relinquatur*“, и притомъ такое единеніе, утвержденное вселенскимъ соборомъ, не только не можетъ вызвать или усилить расколъ, а скорѣе будетъ способствовать его умнотворенію, ибо ясно укажетъ раскольникамъ разность между тѣмъ, что существенно и вѣчно въ дѣлѣ вѣры, и тѣмъ, что не важно и преходяще. Выступая, наконецъ, А. А. ходатаемъ за дѣло старокатоликовъ предъ Верховною властію, удостоиваясь Высочайшихъ аудіенцій.—Съ другой стороны,—и въ западной Европѣ, при непосредственныхъ сношеніяхъ съ старокатоликами, А. А. постоянно являлся однимъ изъ передовыхъ и самыхъ дѣятельныхъ представителей восточнаго православія. Онъ неизмѣнно

принималъ участіе, почти всегда вмѣстѣ съ о. протопресв. Янышевымъ, во всѣхъ старокатолическихъ конференціяхъ и конгрессахъ, при чемъ иногда, какъ напр. при Боннскомъ конгрессѣ 1902 г., на него, какъ на члена особой, учрежденной при Св. Синодѣ, комиссіи по старокатолическому вопросу, официально возлагалось почетное порученіе передать конгрессу привѣтствіе и благожеланія отъ лица первоиерарха Русской церкви, Высокопр. митрополита Антонія и всей Синодской комиссіи. На люцернскомъ конгрессѣ 1892 г. А. А. представилъ рефератъ, результатомъ котораго было учрежденіе „Международнаго богословскаго Обозрѣнія“ (*Revue internationale de Theologie*), т. е. постоянного печатнаго органа, который началъ выходить въ свѣтъ съ 1893-го года и былъ назначенъ для всесторонняго обсужденія вопросовъ, вызванныхъ старокатолическимъ движеніемъ, при чемъ статьи въ немъ принимались на разныхъ языкахъ и отъ представителей различныхъ религіозныхъ направленій. А. А. принималъ самое дѣятельное участіе въ этомъ журналѣ, помѣщая въ немъ и свои оригинальныя статьи и переводы трудовъ русскихъ богослововъ.—Въ 1901 г., когда проф. Гусевъ напечаталъ свои статьи и 55 тезисовъ противъ старокатоличества, Высокопр. Антоній и прот. Янышевъ поручили А. А. чу снестись съ старокатоликами и, выставя на видъ то обстоятельство, что наша православная церковь, какъ и всякая другая, состоитъ не только изъ лицъ проповѣданныхъ и ученыхъ богослововъ, но и изъ людей простыхъ, просить старокатолическихъ вождей, чтобы они дали на тезисы Гусева обстоятельный отвѣтъ, который могъ-бы успокоить не только богослововъ, но и неученыхъ, не отличающихъ догмата отъ мнѣнія. А. А. немедленно исполнилъ данное ему порученіе, переведя тезисы проф. Гусева на нѣмецкій языкъ и переславъ ихъ старокатоликамъ, результатомъ чего и явился, въ 1902 г., въ старокатолическомъ журналѣ желаемый отвѣтъ подъ заглавіемъ: „Nochmals zur Verständigung“.—Особенно радовался А. А. и особенно горячее участіе принималъ въ тѣхъ моментахъ старокатолическаго движенія, которые давали нѣкоторое основаніе надѣяться на осуществленіе его славянофильскихъ идеаловъ. Въ концѣ августа 1897 г. напр. онъ писалъ: „я возвратился изъ Вѣны *восплицемый* результатами съѣзда и переговоровъ

съ старокатолическими епископами . . . Вопросъ о возстановленіи въ Чехіи Кирилло-Меѳодіевской церкви или о соотвѣствующей ей старокатолической рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Учреждаются Чешскія общины. Славяне (чехи и мораване), смотрѣвшіе до сихъ поръ на старокатолицизмъ, какъ на измышленіе нѣмецкихъ профессоровъ, признали въ немъ *истинную христіанскую* идею, которую принесли къ нимъ Славянскіе Апостолы, и ту, которой служили Гуссъ и Іерошимъ... Враждующіе до сихъ поръ элементы,—элементы нѣмецкій и чешскій, пришли къ единенію въ высшемъ религіозномъ синтезѣ. Это-ли не умилительно! Этому-ли не радоваться? Вѣдь въ этомъ есть проблескъ и для рѣшенія нашего *польскаго* вопроса; *только бы понять это*... То, что въ 1897 г. только какъ проблескъ мелькало въ мысли А. А - ча, двѣнадцать лѣтъ спустя стало до нѣкоторой степени переходить въ дѣйствительность. Тогда онъ лишь мечталъ о томъ, что старокатолическое движеніе, проникнувъ въ Польшу, можетъ стать могучимъ средствомъ для возвращенія поляковъ-католиковъ къ вселенскому православію и такимъ образомъ воссоединить ихъ съ православнымъ славянствомъ; а генеръ, въ 1909 г., осуществленію этой мечты уже положено было серьезное начало. На Вѣнскомъ конгрессѣ этого года совершилось торжественное соединеніе двухсотъ тысячъ польскихъ маріавитовъ съ старокатоликами и отъ старокатолическихъ іерарховъ въ Утрехтѣ принялъ рукоположеніе первый епископъ маріавитовъ — Янъ Ковальскій. Участники этого дѣла называли его дѣломъ Жирѣва и единогласно признавали, что оно такъ успѣшно совершилось главнымъ образомъ благодаря стараніямъ А. А - ча. Самъ онъ не отрицаетъ этого и въ восторженныхъ письмахъ благодарить и ставить Бога, что Онъ сподобилъ его принять большое участіе въ этомъ богоугодномъ дѣлѣ, которое служитъ осуществленіемъ его давней мечты и имѣетъ неизмѣримое значеніе въ будущемъ. Старокатолики (Мишо) утверждаютъ, что А. А. много содѣйствовалъ маріавитамъ и въ дѣлѣ ихъ признанія русскимъ правительствомъ: а увлекаясь своимъ славянофильскимъ идеаломъ онъ мечталъ уже о распространеніи старокатоличества не только въ Чехіи и Польшѣ, но и среди хорватскихъ и сербскихъ католиковъ, чтобы приобщить ихъ къ единству православнаго славянства. Дѣло маріави-

товъ было однако уже послѣднею большою радостью престарѣлаго идеалиста; не прошло и года послѣ Вѣнскаго конгресса, какъ Господь призвалъ его въ лучшій міръ.

Въ послѣдніе годы жизни А. А-чу привелось принять участіе въ обсужденіи еще одного важнаго церковнаго вопроса, возбужденіе котораго по самому существу своему вполне соответствовало его мыслямъ и желаніямъ. Когда въ нашемъ обществѣ усиленно заговорили о настоятельной необходимости измѣненія и улучшенія существующихъ условій русской церковной жизни; когда для удовлетворенія этой, всѣми признаваемой, необходимости провозглашено было близкое созваніе всероссійскаго церковнаго собора, а для всесторонней подготовки къ нему призвано особое „предсоборное присутствіе“, А. А. приглашенъ былъ въ составъ этого присутствія въ качествѣ члена. Пламенный сторонникъ соборности церковнаго устройства, надлежащаго примѣненія въ немъ выборнаго начала и участія въ церковныхъ дѣлахъ блага духовенства и мірянъ, А. А. вступалъ въ предсоборное присутствіе въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи, съ широкими надеждами на осуществленіе этихъ началъ, и въ совѣщаніяхъ энергично выступалъ на ихъ защиту. Скоро однако оказалось, что онъ и его единомышленники остаются въ меньшинствѣ, а потому его приподнятое настроеніе смѣнилось минорнымъ и его пьесы за это время стали звучать грустнымъ разочарованіемъ. По поводу состоявшихся рѣшеній присутствія онъ писалъ напр.: „всѣмъ, правда, было признано, что клирики и міряне должны участвовать на соборѣ; вопросъ въ томъ, какъ они туда попадутъ?“... „Несомнѣнно, они *должны быть свободно* избираемы. Къ несчастію (это именно *несчастіе*) 15 мая большинствомъ голосовъ было принято рѣшеніе, по которому за епископомъ признано нѣкоторое право фильтраціи, которое сводитъ выборъ на нѣтъ къ нулю! Выборы, правда, остались: міряне и клирики *выбираютъ* своихъ представителей; но затѣмъ (въ числѣ *многихъ десятокъ* *человѣкъ*) выбранные представляются на усмотрѣніе епископа, который по своему произволу избираетъ достойнаго!.. Ничуть не предполагая какого нибудь принципиальнаго антагонизма между епископомъ и паствою, я однако нахожу, что соборъ подобраный такимъ образомъ не внушитъ *никакого* довѣрія российской церкви. Не за чѣмъ было

тогда и „огородъ городить“ .. Очень это все грустно! А у меня были самыя радужныя надежды на Соборъ! Но я человекъ старый, сдержанный! Что будутъ чувствовать люди, не умбющіе себя сдерживать, молодые?! И вѣдь все это совершенно даромъ, такъ какъ мы признали за епископами голосъ рѣшительный, за клириками же и за мірянами голосъ совѣщательный! (Хотя въ канонахъ о такихъ голосахъ и не упоминается)... Ну, что-то Богъ дастъ, а грустно и темно!“...

Настоящій очеркъ въ значительной степени составленъ на основаніи частныхъ писемъ ко мнѣ А. А-ча, а потому считаю не лишнимъ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ о нашихъ съ нимъ отношеніяхъ.

Наше знакомство началось съ 1893-го года. Въ этомъ году въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ была напечатана моя статья, вышедшая и отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ: „Можно ли признать законность іерархіи старокатоликовъ?“ Вскорѣ послѣ появленія этой статьи я получилъ отъ А. А-ча изъ Штуттгарта письмо, отъ 28 апр. 1893 г., въ которомъ онъ, еще не зная моего имени и обращаясь ко мнѣ: „Многоуважаемый Господишъ Профессоръ!“, въ очень лестныхъ для меня выраженіяхъ отзывался о моей статьѣ, присланной ему Григмутомъ, и просилъ извиненія въ томъ, что безъ моего вѣдома и согласія уже перевелъ ее на французскій языкъ и отослалъ въ редакцію „Revue internationale de Theologie“ для немедленнаго напечатанія. Такой переводъ моей статьи совѣтовалъ ему сдѣлать и о. протопресвитеръ І. Л. Янышевъ. Такъ какъ конечные выводы моей статьи были благопріятны для старокатоликовъ, то понятно, что люди, сочувствовавшіе старокатолическому движенію, обратили на нее свое любезное вниманіе. Что касается А. А-ча, то онъ не только помѣстилъ ее въ „Revue“, но и впослѣдствіи не разъ усиленно пропагандировалъ при удобномъ случаѣ за границей. Въ мартѣ 1894 г. онъ напр. просилъ меня немедленно выслать ему экземпляры этой статьи, такъ какъ „ей предстоитъ служить опорнымъ пунктомъ *нѣкоего важнаго дѣла у Вселенскаго Патріарха и у трехъ другихъ*“, а мѣсяць спустя уже сообщалъ, что одинъ экземпляръ „плыветъ въ Константинополь“.—Въ іюнь 1897 г. А. А снова просилъ меня о высылкѣ экземпляровъ статьи. „Она намъ *очень* нужна“, писалъ

онъ изъ вагона на пути въ Лондонъ, куда ѣхалъ по Высочайшему повелѣнію вмѣстѣ съ Высокопр. Антоніемъ, архіепископомъ Финляндскимъ. Вотъ съ этой статьи и началось такимъ образомъ наше знакомство. Послѣ перваго стуттгартскаго письма между нами завязалась постоянная переписка, продолжавшаяся до послѣдняго времени и выразившаяся въ 115-ти письмахъ, которыя хранятся у меня доселѣ. Переписка эта имѣла исключительно научно-дѣловой характеръ. Въ ней А. А. большею частію касался лишь тѣхъ самыхъ вопросовъ, раскрытію которыхъ посвящены были и его печатные труды. Но такъ какъ въ частныхъ письмахъ онъ естественно высказывался съ гораздо болѣею свободой и неприужденностью, то письма эти нерѣдко могутъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ всестороннему выясненію его воззрѣній. Не будучи профессиональнымъ ученымъ богословомъ, и встрѣчаясь при своихъ работахъ съ какими-либо специальными богословскими вопросами, А. А. нерѣдко обращался съ просьбою, чтобы я указалъ ему источники, или высказалъ по какому-либо предмету свое мнѣніе, или далъ ему какую-нибудь ученую справку, какъ напр. по вопросамъ: о правахъ автокефальныхъ церквей, объ отношеніи митрополита Филарета къ „посланію Восточныхъ патріарховъ“, объ употребленіи слова „пресуществованіе“ у Геннадія Схоларія, о пропехожденіи „Правиль Свв. Апостоловъ“, а также существующей теперь у насъ епископской присяги и т. п. Не разъ также наша переписка касалась вопроса объ англиканствѣ, который въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ предметомъ моихъ специальныхъ занятій. Обсуждая въ письмахъ почти всегда научно-богословскіе вопросы, А. А. по живости своей натуры не могъ иногда удержаться, чтобы не коснуться со свойственнымъ ему оживленіемъ какихъ-либо выдающихся событій текущей общественной жизни какъ Россіи вообще, такъ въ частности Петербурга: но это были лишь событія, близко соприкасавшіяся съ областію тѣхъ принципиальныхъ вопросовъ, которые составляли основной предметъ нашего обмѣна мыслей. Особенно оживленнымъ былъ обмѣнъ писемъ между нами до 1898-года, такъ какъ въ это время я состоялъ редакторомъ нашего академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“. Предложивъ А. А. चु помѣщать свои труды на страницахъ „Богословскаго Вѣст-

ника“ и принявъ на себя пересмотръ ихъ послѣдней корректуры, я тѣмъ самымъ естественно завязывалъ съ нимъ особенно частыя сношенія по разнымъ, и крупнымъ и мелкимъ, соединеннымъ съ печатаніемъ статей, редакціоннымъ и цензурнымъ вопросамъ. При всей оживленности этихъ сношеній наше знакомство однако долгое время оставалось только письменнымъ. Первый разъ послѣ уже трехлѣтней переписки мы лично встрѣились съ А. А-чемъ и пожали руку другъ другу лишь въ маѣ 1896-го года. Это было время коронаціи нынѣ царствующаго Государя Императора. Собираясь по своему придворному положенію на коронаціонныя торжества и зная, что я, какъ редакторъ журнала, отчасти при его-же содѣйствіи, выхлопоталъ себѣ доступъ на эти торжества среди представителей печати, А. А. желалъ воспользоваться случаемъ нашего совместнаго пребыванія въ Москвѣ, чтобы „познакомиться лично“. По предварительному уговору первое наше свиданіе состоялось въ ложковой гостиницѣ, гдѣ остановился А. А. по пріѣздѣ въ Москву. Я засталъ его въ безпритязательной обстановкѣ стараго холостяка, среди развѣшанныхъ и разбросанныхъ по дивану и кресламъ мундира, орденовъ и другихъ принадлежностей параднаго одѣянія. Личность А. А-ча произвела на меня въ высшей степени пріятное, даже можно сказать чарующее впечатлѣніе. Не смотря на свой, тогда уже свыше шестидесятилѣтній, возрастъ,—это былъ статный красавецъ, выглядывавшій совѣмъ еще бодрымъ и свѣжимъ. Большой, открытый лобъ, глубокій, вдумчивый взглядъ прекрасныхъ глазъ, пріятный, звучный тонъ симпатичнаго голоса, безкоричная доброта и сердечность, сквозившая въ каждомъ взглядѣ и словѣ, но соединенная съ необыкновеннымъ достоинствомъ, благородствомъ и изяществомъ въ обращеніи, свободная, одушевленная и образная рѣчь, некривящаяся яркими проблесками остроумія и живого, совѣмъ юношескаго увлеченія,—все это сразу захватило и глубоко расположило меня въ пользу моего поваго, хотя и уже давняго по шуткамъ знакома. Послѣдующія наши свиданія, когда мы изрѣдка сходились въ Москвѣ или въ Петербургѣ, ничто не ослабили силу моего перваго впечатлѣнія, которое такъ и сохранилось до конца.

Интересное и безкорыстное сотрудничество А. А-ча въ

„Богословскомъ Вѣстникѣ“ до некоторой степени сблизило его съ Московской Духовной Академіей, но мнѣ думалось, что при его многолѣтнемъ и ревностномъ служеніи святому дѣлу церковнаго единенія было бы справедливымъ и желательнымъ, чтобы наша академія оказала ему особенное вниманіе. Руководясь этою мыслью, я ходатайствовалъ предъ Совѣтомъ академіи и предъ его Предсѣдателемъ, о. Ректоромъ Преосвященнаго Епископомъ Арсеніемъ, объ избраніи А. Ача въ званіе Почетнаго Члена. Мое ходатайство было встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ и, въ засѣданіи Совѣта 23 сентября 1904 года, А. А. былъ единогласно избранъ Почетнымъ Членомъ Московской Духовной Академіи—„во уваженіе къ его многолѣтней и ревностной дѣятельности на служеніи дѣлу сближенія старокатоликовъ съ Православною Церковію путемъ непосредственныхъ съ ними сношеній на международныхъ конгрессахъ и, въ особенности, многочисленными печатными трудами въ духовныхъ и свѣтскихъ, русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ“.— Утвержденіе этого избранія состоялось въ указѣ Св. Синода отъ 16-го октября, а 19-го марта 1904 года Совѣтомъ академіи заслушано было слѣдующее благодарственное письмо генерала Кирѣева на имя Преосвященнаго Ректора: „Дипломъ на званіе почетнаго члена первенствующей Духовной Академіи Россіи мною, на дняхъ, полученъ. Позвольте мнѣ поблагодарить Ваше Преосвященство и другихъ ученыхъ, подписавшихся подъ моимъ дипломомъ, за оказавшую мнѣ неожиданную и высокую честь!—Мнѣ особенно дорого, что Московская Духовная Академія соблаговолила обратить вниманіе на мою дѣятельность *по старокатолическому вопросу*, признавъ ее полезною. Старокатолицизму я придаю великое и притомъ двоякое значеніе: онъ единственный, для западнаго христіанина, путь къ возвращенію его къ безусловной *вселенской истинѣ*; тамъ же онъ служитъ побужденіемъ къ необходимой автокритикѣ, къ постоянной и постепенной научной переоцѣнкѣ нашихъ собственныхъ разнородныхъ вѣрованій и ученій. Переоцѣнка эта производится частично и пылѣ, но, къ сожалѣнію, не систематично, не научно, а иногда и невѣрно—подъ напоромъ грубыхъ мірскихъ силъ: временному и преходящему дается иногда значеніе вѣчнаго, условному и факультативному—значеніе обязательнаго“!

Кончина А. А-ча, неутомимаго и самоотверженнаго борца за дѣло старокаатоликовъ и за ихъ единеніе съ Православною Церковію, составляетъ, безъ сомнѣнія, для всѣхъ, близко принимающихъ къ сердцу это дѣло, тяжелую и трудно замѣнимую утрату „Старо-католическая церковь“, говоритъ проф. Мишо, „станетъ не только хранить, но и благословлять и вѣчно прославлять его память. Его имя всегда будетъ на нашихъ устахъ, какъ имя преданнѣйшаго друга и наиболѣе близкаго къ намъ православнаго, какого привелось намъ знать, чтить и любить... Дѣло Кирьева не кончилось: оно начинается. Когда будутъ увѣнчивать зданіе, вспомнить о всѣхъ тѣхъ, кто клалъ его фундаментъ, а въ особенности о томъ, кто тридцать девять лѣтъ поселятъ на это дѣло камень за камень. Его званіе почетнаго члена Московской Духовной Академіи—отличіе рѣдко присуждаемое лицамъ не духовнымъ—не останется пустымъ титуломъ или безплодною почестью. Его богословскіе выводы ясны и тверды: единеніе церквей въ объективной вѣрѣ, г. е. въ истинныхъ догматахъ Христовыхъ, *in necessariis unitas*“

Искреннею молитвой и признательнымъ словомъ помянемъ и мы этого прекраснаго человѣка, пламенное сердце котораго всю жизнь неизмѣнно горѣло безпредѣльною любовью къ родной Православной Церкви и своему дорогому Отечеству.

Сестра А. А-ча возложила роскошный вѣнокъ на могилу любимаго брата, издавъ прекрасный сборникъ его трудовъ, написанныхъ на иностранныхъ языкахъ и напечатанныхъ за границей, съ присоединеніемъ къ нимъ его и несколькихъ писемъ къ О. А. и его некрологовъ. Этотъ вѣнокъ былъ-бы еще пынше, если бы за первымъ сборникомъ появился на свѣтъ второй, гдѣ для православнаго читателя были бы собраны всѣ труды А. А-ча, написанные на русскомъ языкѣ. То и было особенно дорого въ его дѣятельности, что служилъ онъ своему святому дѣлу не только же на западѣ, сколько и въ своей родной странѣ.

В. Соколовъ.

Августъ 1911 г